

УДК 087.5:502:821.161.1-053.5

ББК 20.1

О-53

Олефир, Станислав.

О-53 Иду по тайге : [для сред. шк. возраста: 12+] / Станислав Олефир ; худ. Наталья Габеева. — М. : КомпасГид, 2019. — 368 с. : ил.

ISBN 978-5-00083-571-5

Мир, населённый россомахами, филинами и куликами, кажется таким же фантастическим, как и вымышленная вселенная. Редкий счастливчик-взрослый видел бурндука в лесу, слышал стук желтоголового дятла, вдыхал аромат можжевельника у неровной тропы. Что уж говорить о ребёнке — для него тайга всё равно что Нарния!

Книга «Иду по тайге» — это краткие зарисовки, байки и советы; меткие наблюдения и остроумные шутки; а главное — это бесчисленные признания в любви к каждому живому существу, к природе в целом и к людям, её ценящим. Вместе с автором читатель изучает, как меняется тайга из месяца в месяц, читает следы на снегу, слушает птичьи песни и встречает «тысячу знакомых»: птиц, грызунов, рыб. Герои, о которых так здорово не писали со времён Виталия Бианки, оживают в замечательной графике художника-анималиста Натальи Габеевой, подготовившей иллюстрации для нового издания.

Станислав Олефир (1938—2015) с детства зачитывался историями о приключениях и путешествиях и еще в юности проехал через всю страну, от Запорожья до Приморья, работал агрономом, занимался охотой, преподавал в школе, написал два десятка художественных и научно-популярных книг для детей и взрослых. Его сборник «Когда я был маленьким, у нас была война...», вышедший в издательстве «КомпасГид» в 2017 году, полюбили многие читатели — за лёгкий слог, живописные детали и на удивление светлое настроение.

УДК 087.5:502:821.161.1-053.5

ББК 20.1

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-571-5

© Олефир С. М., наследники, текст, 1984

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

Введение

— Любишь ли ты природу?

— Странный вопрос. Конечно, люблю. Да и как её не любить? Выйдешь за посёлок — здесь тебе река, грибы, ягоды. А дальше уже самая настоящая тайга. В ней птицы, звери разные.

— А какое из обитающих в наших краях животных ты считаешь самым удивительным?

— Кто его знает. Соболь, наверное. Ну ещё медведь, росомаха.

— Не странно ли получается? Если я буду утверждать, что люблю стихи, но не смогу назвать ни любимого поэта, ни написанных им стихотворений, ты в эту любовь не поверишь: нельзя же по-настоящему любить то, чего не знаешь...

— Но удивительного у нас на Севере и вправду ничего нет. Вот в джунглях — другое дело. Недавно по телевизору показывали мультфильм о птичке, которая чистит зубы крокодилу. Этот крокодил пасть открыл, а она туда залетела, между зубами бегает и выбирает остатки пищи. И ничуть не боится!

Или вот акула. Эта хищница раз в три-четыре дня подплывает к коралловому рифу и останавливается там с раскрытым ртом. Тотчас возле неё появляются маленькие рыбки и наперегонки бросаются прямо в пасть. Оказывается, на жабрах акулы живёт бесчисленное множество паразитов — рачков-бокоплавов и их личинок. Сколько мучений они причиняют акуле! А рыбки дружно вылавливают рачков. Вот это интересно!

— А розовые чайки?

— О них я ничего не знаю.

О розовых чайках впервые поведал миру возвратившийся из полярной экспедиции английский моряк и исследователь Росс. Было это в начале XIX века. К тому времени до последнего птенца были уже скормлены свиньям обитавшие на Маскаренских островах нелетающие птицы дронты, подходило к концу истребление бескрылой гагарки, а о розовых чайках ещё не знали ничего. Посмотреть на выставленные в Британском музее чучела розовых чаек приезжали люди из разных стран. Удивлялись, восхищались: казалось, оперение этих птиц залито лучами восходящего солнца — в такой нежно-розовый цвет окрашены грудь, брюшко и голова чаек. Многие стремились к встрече с этой таинственной птицей, чтобы узнать, где она гнездится, куда улетает на зимовку. И только годы и годы спустя на эти вопросы ответил советский зоолог Бутурлин. Стало известно, например, что зимовать она улетает с берегов Колымы и Яны не на юг, а ещё

дальше на север. Там, в тёмных разводьях Ледовитого океана, вместе с моржами и тюленями проводят розовые чайки полярную ночь — зиму.

— Они держатся стаями или поодиночке?

— Тебе уже интересно. А если я скажу, что во время перелёта птиц ты можешь увидеть розовую чайку в наших краях, это интересно?

— Конечно.

— Теперь ответь мне: кто в тайге самый храбрый?

— Медведь. Этот зверь никого не боится.

— Неверно. Просто медведь большой и сильный. А трусишка он — другого такого поискать нужно.

Жила у нас на самом краю посёлка женщина. Были у неё в хозяйстве поросёнок и телёнок. Женщина держала их в сарае. У двери бочка с помоями стояла, вёдра, лопаты, а за перегородкой находились поросёнок с телёнком. И повадился в тот сарай медведь ходить. Откроет дверь, наестся из бочки и тихонько возвратится к себе в тайгу.

Как-то пришла женщина с работы и вдруг вспомнила, что поросёнок не кормлен. Подхватила она ведро — и в сарай. А там как раз мишка лакомится. Глядит хозяйка, дверь открыта и кто-то за ней возится. «Опять телёнок верёвку порвал и до бочки добрался», — подумала она.

— Вот я тебе! — и двинула изо всех сил медведя в косматый бок. Да ещё крикнула: — А ну марш отсюда! Кому говорят?

Что здесь стряслось! Медведь испугался так, словно по нему сто охотников из ружей выпалили. Рывкнул, свалил на пол бочку да в окошко. Стекло разбил, голову просунул, а дальше пролезть не может. Тогда он поднатужился, раму вырвал и так с рамой на шее убежал в тайгу.

Разве можно после этого медведя храбрецом называть?

А вот летом где-нибудь у глухого ручья можно встретить голенастых птенцов кулика-черныша. Они меньше теннисного шарика, и не то что медведь — бурундук или белка могут запросто их съесть, но именно этих малышей я считаю самыми большими храбрецами в нашей тайге.

Обычно их родители облюбовывают себе под «дом» старое гнездо дрозда или кедровки. Чуть поправят подстилку, отложат четыре крупных яйца и принимаются их высидывать. Вскоре появляются маленькие куличата. Теперь их нужно опустить на землю, а до земли метра три. Прыгать — любой побоится, а лазить по деревьям, как дятлы или поползни, кулики не умеют. Но куличата сразу же, чуть только обсохнут, подходят к краю гнезда и смело бросаются вниз. Летят медленно. Пух им вместо парашюта служит. Приземлятся на длинные ножки — и в путь.

До озера далеко. Километр, а может, и больше. Но куличатам ничего не страшно. Случится канава — переберутся через канаву, встретится ручей — переплывут ручей, увидят лису — за камушки, кусочки коры, сухие веточки спрячутся. Ни за что лисе их не найти.

К концу дня куличата у озера. Немного отдохнули и давай мошек гонять.

А знаешь ли ты, где зимой снегири, кедровки, птички синички ночуют?

— Почему не знаю? В дуплах. Куропатки, рябчики, глухари — эти под снегом, а остальные в дуплах.

— Но ведь удобных дупел не так и много. Птички же по тайге стаями летают.

Я как-то этим вопросом заинтересовался и вдоль речки проверил все дупла. В двух белки-летяги живут, в трёх дятлы обосновались, да ещё в одном поползень квартирует.

И всё. Остальные дупла пустые. Стал я посреди тайги и думаю: «Куда же это все птицы подевались? Весь день над головой мельтешили, а сейчас словно в воду канули».

А рядом на болоте — дерево не дерево, куст не куст, уродлиственный какой-то. На нём веток! Может, тысяча. И каждая чуть толще соломинки. Обычно лесники такие кусты-деревья ведьминными мётлами называют. И из этой «метлы» на меня глаз смотрит. Чёрный такой, внимательный. Я сучок поднял и в него запустил. А из куста-дерева кедровка выпорхнула. На соседнюю лиственницу села и давай ругаться. Что, мол, такой-сякой, сучками бросаешься, спать не даёшь?

Чуть в стороне стоит дерево, похожее на трезубец Нептуна. И оттуда я кедровку выгнал. Получается, что такие вот некрасивые с виду деревья кедровкам спальнями служат? Интересно, проверю.

Вот два небольших деревца. Ствол как ствол, ветки как ветки. Здесь никого нет. А у той лиственницы, что на самом берегу выросла, ствол нормальный, но крона плоская, как шляпа-канотье. Да ещё и набекрень сдвинута. Стукнул я по этой лиственнице лыжной палкой — ничего не вылетело. Только труха на голову посыпалась. Почему в «шляпе» никого не оказалось — непонятно. Может, из-за того, что на самом ветру стоит? Или река шумит?

Ага, вот лиственница, тоже от остальных отличается. Низкая, толстая, как бочка. И в этой «бочке» при моём приближении завозился кто-то. Снегири! Так, значит, и вы в лиственничных кронах на ночь прячетесь? А снегири чуть

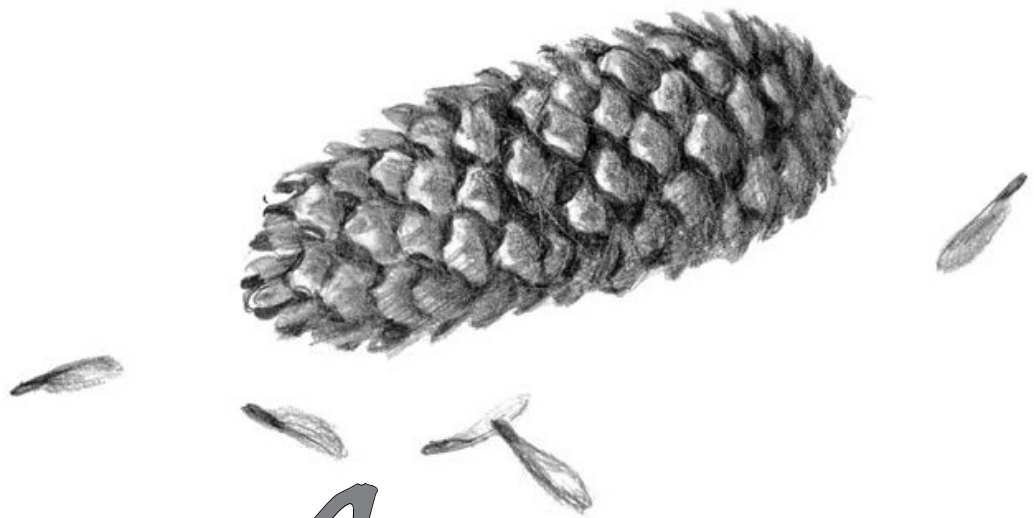
повозились и стали вылетать. Да интересно так. Зимой ведь у них никаких пар нет, а тут по двое вылетают. Важный красногрудый снегирь и более скромно наряжённая самочка. Секунд пять никого, и снова пара снегирей появляется.

Я же не столько на снегирей смотрю, сколько гостеприимной лиственничке дивлюсь. На всякой другой, красивой для нас, людей, лиственнице этих пичуг любая сова или соболь запросто схватят. А здесь попробуй через ветки продраться. Вот тебе и некрасивое дерево!

Видишь, как получается? Гулял ты в тайге, ловил в ручьях хариусов, искал грибы на моховых полянах, собирал бруснику на боку крутой сопки, а тайги не знаешь. И как будто внимательно смотрел, а не всё увидел. Как будто хорошо слушал, а не всё услышал. Такая уж она, наша северная природа. Как будто и вся на виду, а не сразу да и не всякому откроется.

Если ты и в самом деле любишь природу, дай мне руку. День за днём, месяц за месяцем мы будем бродить по широким долинам и тесным распадкам, отыщем самую светлую реку и самое глубокое озеро, заглянем в медвежью берлогу и угостим орешками полосатого бурундука. Мы побываем на озере Танцующих Хариусов и, если повезёт, тёплым летним вечером, когда мириады комаров кружат над сверкающим плёсом, увидим редкое в природе явление — стремительную пляску взлетающих над водой оранжевопёрых рыб.

И ещё ближе и роднее станет для тебя край, в котором ты живёшь.

Январь

Налим

Белорусы январь называют «студень», украинцы — «сичень». Студёно, мол, в этом месяце, мороз сечёт, не жалеет. Дремлют укутанные снегом сопки, пощёлкивают от холода деревья, над разлившейся вдоль реки наледью клубится пар. Трудно представить что-нибудь живое в этой почти космической стыни.

Но обитает в наших реках рыба, для которой январь — самое благодатное время года. Это налим. В северных морях живёт около полусотни его близких родственников: треска, сайка, пикша, навага, а разных других налимов и не сосчитать. Наш налим, оставив морские воды, перешёл в пресные и остался в них навеки.

Налим не очень красив. Широкая, сплюснутая, как у лягушки, голова, огромная, усаженная мелкими зубами пасть,

чёрные злые глаза, свисающие вниз усы. Пятнистое тело налима обильно покрыто клейкой слизью. Длинное и гибкое, оно напоминает хорошо смазанную плеть.

В тёплые солнечные дни налим чувствует себя неважно. Забьётся куда-нибудь под корягу и не шелохнётся. А вот ночная темень, если к тому же вода холодная как лёд, — самая налимья пора. Зрение у него слабое, зато лучше, чем у других рыб, развиты слух, обоняние и осязание. Разбойником крадётся он вдоль берега, хватая всех, кто встретится на пути. Случится хариус — съест хариуса, попадётся ручейник — проглотит ручейника, закружит течением пустившегося в плавание мышонка — не пожалеет и его. Ну а заболевшая рыбка — первая добыча. Поймает её налим — и не даст распространиться болезни по реке. За это его называют речным санитаром.

В январе у налимов нерест. Отправляются они к перекату и прямо на камни вымётывают икру. Одна взрослая самка может отложить за один раз до миллиона икринок. Если бы из каждой вырос новый налим, эти рыбы заполнили бы реку до берегов. Но подобного не случается, потому что теперь уже ручейники, хариусы да и сами налимы с жадностью набрасываются на икру. И вскоре её остаётся совсем мало. Одна икринка за камушек закатилась, другую замыло песком, третью снесло под затопленную иву. Больше ни одной нет — съели.

Выклёвывается налимя молодь ранней весной, и уже к июню налимки достигают восьми сантиметров в длину. Питаются червяками да личинками, плавают осторожно, с оглядкой: того и гляди кому-нибудь в зубы попадёшь. И только в двухлетнем возрасте у них появляются все повадки ночной рыбы-разбойницы.

Бурундук

Иустынны таёжные распадки в январскую стужу. Разве что стайка белых куропаток прошумит над тальниками да осторожный белаяк протянет по крутому склону свой след. Куда ни кинешь взгляд — снег, снег, снег. Под ним, как под тёплым одеялом, спят полосатые бурундуки, длиннохвостые суслики, косялапые медведи.

У бурундука и суслика в это время температура тела понижается до трёх градусов, а частота дыхания — до двух вдохов в минуту. Таких сразу не разбудишь.

Прокладывали однажды зимник в тайге и вместе с огромной корягой выковыряли из земли бурундука. Свернувшись в клубочек, лежит он холодный, заостенелый. Глаза закрыты, ни хвост, ни лапы не гнутся.

— Допрыгался! — хмыкнул бульдозерист, разглядывая зверька. — Нужно бригадиру показать, а то он бурундука только на картинке и видел.

Отнёс мёртвого зверька в вагончик и положил у окна. После смены возвращаются дорожники, а бурундук сидит на столе и с аппетитом поедает печенье. Людей увидел, свистнул, поставил хвост торчком да под кровать. Забрался в лежавший там валенок и притих.

Так в валенке до самого лета у дорожников и прожил. Натаскал туда бумажек, обрывков ваты, всяких объедков. Пока люди на работе, он хозяйничает в вагончике, а возвращаются — бурундук заберётся в валенок и спит.

Под снегом

Так уж повелось, что люди всех зверьков, напоминающих привычную нам домовую мышь, ту, за которой охотится

кот Васька, называют мышами. А ведь собственно мышей на Севере очень мало. Зато много полёвок, землероек, пищух.

Небольшой коричневатый зверёк с коротким хвостом и круглой головой называется полёвкой. Это близкий родственник хомяка и ондатры. Полёвок у нас, пожалуй, больше, чем любых других зверьков. Они составляют основу корма горностаев, соболей, лис, сов. Сами же едят траву, различные семена, не отказываясь и от снулой рыбки или оставленного на приманку кусочка мяса.

В тайге можно встретить зверька немногим крупнее ногтя на большом пальце руки. У него как хоботок нос, пышные усы и очень длинный хвост. Это землеройка — близкий родственник крота, ежа и выхухоли. Все они насекомоядные.

И наконец, сравнительно крупное, в кулак, животное с буроватой шёрсткой и большими, словно смятыми, ушами — пищуха, родная сестра зайца. Как и заяц, пищуха питается травой, молодыми побегами ивы и осины, любит кору, иногда угощается ягодами.

И полёвки, и землеройки, и пищухи в зимнюю спячку не впадают. Они делают под снегом длинные ходы, бегают по ним в поисках корма и, конечно, заглядывают друг к другу в гости.

Случается, полёвки досаждают охотникам. Они подчистую съедают приманку, портят шкурки попавших в капканы горностаев и соболей, могут разграбить спрятанные в тайге припасы пастухов, геологов, лесорубов.

Новогодняя гостья

Как-то охотился я в верховьях реки Чуританджи, так полёвки меня совсем извели. Придёшь в избушку, а там хлеб погрызан, на столе и полках следы пиршества полёвок, из кружки с чаем выглядывает рыжая спина.

Чтобы покончить с этим разбоем, я решил сделать мышеловку и принялся искать подходящую дощечку. Заглянул под навес и ужаснулся. От навеса к лежащей у ручья лиственнице тянулась дорога. Да-да! Не следок или тропка, а самая настоящая дорога, по которой полёвки совершали набег на мою избушку. Была она очень широкой и не походила ни на одну из виденных мной звериных троп. Цепочки набитых крошечными лапками следов не пересекались одна с другой, а тянулись рядышком. Под лиственницей они сбегались и ныряли в обледенелую норку, как рельсы в тоннель. Впечатление усиливала веточка пушицы, светомфором маячившая у входа.

И под навесом, и в норе было тихо. Мир и покой. Наверняка на время моего возвращения домой полёвки объявляли «тихий час» и вели себя очень осторожно.

— Э-э, да мне этих бестий не переловить за весь охотничий сезон, — охнул я и махнул на полёвок рукой.

Так мы и жили. Ночью в избушке хозяйничал я, днём — полёвки. Соседство не ахти какое, но что поделаешь?

И вдруг полёвки исчезли. Не исподволь, не постепенно, а все сразу. Ещё вчера эти изверги забрались в висевший под потолком мешок с сухарями и выгрызли в нём большую дырку, а сегодня их нет. Как лежал на столе кусочек сала, так и лежит. Рядом с ним до половины наполненная сгущённым молоком банка — всё нетронутое. Что же их так напугало? Неужели, думаю, к избушке под снегом наледь подбирается? Мне её не видно, а полёвки в таких делах народишко опытный.

Ушли полёвки, но спокойнее мне не стало. Начал замечать, что кто-то снова хозяйничает в избушке. Но теперь уже по ночам. Не шебуршит, не гремит, никаких следов не оставляет, а вот то, что хозяйничает, — точно. Скажем, сплю и вдруг чувствую, как по моей ноге что-то бежит. Нет, не мышь. Мышь, та всё-таки вес имеет, и коготки у неё царапучие. Эта же передвигается, как комарик или жучок. В детстве нечто подобное я уже ощущал. Испугался, рассказываю маме, а она говорит: «Это ты растёшь, сынок. А может, просто спросонок показалось».

В другой раз неизвестная мне животное запуталась в моих волосах. Я только начал дремать и вдруг слышу, что-то на голову свалилось и барахтается там. Я рукой хват, а оно между пальцев сквознячком проскользнуло...

Новый год я встречал в тайге. Ещё с утра смастерил из стланиковых веточек ёлку, убрал её как сумел, затем приготовил праздничный стол и стал ждать полуночи.

Хорошо в избушке зимой. Пламя в печке гудит, труба от жара пощёлкивает, на бревенчатой стене светлые блики играют. Тепло, уютно. Вот только скучновато в одиночку новогодний праздник справлять.

Не успел я так подумать, как лежащая под столом банка из-под колбасного фарша шевельнулась и покатилась ко мне. Я даже глаза протёр: может, чудится? Ан нет. Банка на мгновение остановилась и покатилась снова. Теперь уже в обратную сторону. Я тихонько к ней подкрался и быстро прикрыл ладонью. Заглядываю в банку, а на дне её сидит зверюшка с ноготок величиной. Толстенькая, пушистая, длинный нос хоботком из шерсти торчит.

Землеройка! Так вот кто пожаловал ко мне в гости и, наверное, разогнал полёвок. До этого встречать её мне как-то не доводилось. Знаю, что это самый маленький и злобный хищник, что за сутки землеройка съедает пищи больше, чем весит сама. И вот это удивительное существо у меня в гостях!

Пристроил я банку на стол, положил в неё кусочек мяса, крошку масла, налил в полиэтиленовую пробку молока.

— Ну, — говорю, — будешь есть или очень уж я тебя напугал?

Ничуть не напугал. Только убрал руку, землеройка сейчас же направилась к еде, неторопливо обследовала всё и принялась за угощение.

Вот так вдвоём мы Новый год и встретили. Я сидел у приёмника и слушал праздничный концерт, рядом гуляла маленькая, круглая, как шарик, зверюшка и с аппетитом пила молоко со сливочным маслом вприкуску.

Кутора

*И*о берегам наших рек встречается землеройка, которая приспособилась жить чуть ли не в воде. А чего там не жить? Пусть морозы хоть пятьдесят, хоть шестьдесят градусов, температура воды никогда не упадёт ниже нуля. Выкопай под обрывом норку, сделай в ней уютное гнёздышко и можешь месяцами не показываться из-под льда. Это только кажется, что весь лёд лежит на воде. На самом деле под ним масса всяких пустот, гротов, пещер. И светло, и ветра нет, и никакой враг тебя сверху не схватит. А в воде полно ручейников, личинок всевозможных рыбок. Здесь тебе и стол, и дом.

Если смотреть на незамёрзшую реку сверху — вода в ней кажется очень тёмной, но если нырнуть и глянуть снизу — она светлая. Поэтому-то водяная землеройка — кутора, чтобы не быть заметной, окрашена в два цвета. Спинка у неё чёрная, а живот белый. Натуралисты такую окраску называют защитной.

Вокруг пальцев у куторы имеется оторочка из жёстких щетинок, отчего её лапка напоминает настоящее весло.

На хвосте тоже волосяная щётка — это у зверька руль. Ушные раковины водяной землеройки развиты слабо, и их почти не видно в волосяном покрове. Кутора прекрасно ныряет, быстро плавает и вообще чувствует себя в воде не хуже рыбы.

Мне удалось познакомиться с куторой десять лет назад. Получилось так. Рядом с нашим посёлком протекает не замерзающий даже в самые лютые морозы ручей. С омутками и перекатами, родниками и длинными зелёными водорослями. Жили в этом ручье маленькие вёрткие рыбки, которых мы называли лизунами. Ухи из лизунов не сваришь, а вот живец для рыбалки — лучше не надо. Кого только мы на них не ловили! Хариусов и налимов, щук и даже ленков.

Однажды в январе собрались мы за щуками к Зангезуровским озёрам. Там этих хищниц развелось много. Прорубишь лунку, а они уже выглядывают. Правда, на блесну клюют неохотно. Ткнутся в приманку острым носом и неторопливо отплывают в сторону. Но стоит пустить под лёд живца, все щуки наперегонки бросаются к добыче и, если леска надёжная, через минуту самая проворная щука окажется на льду.

Побежал я к ручью за лизунами. Поставишь обыкновенный сачок в узком месте, затем палкой в водорослях поворошишь — все затаившиеся там рыбки прямо в сачок и влетают.

Я успел поймать десятка два вертлявых лизунов и вдруг вижу, прямо ко мне плывёт какой-то серебристый шарик. Я его сачком — раз и накрыл. Заглядываю внутрь — какая-то мышка. Сама чёрная, а грудка белая как снег. Пингвин

в миниатюре, да и только. Сидит себе и водит длинным носиком. Я её в банку — и домой.

Собралось нас, рыбаков-охотников, человек пять, а никто не может определить: что же это за зверёк? Дело в том, что никаких щетинок на лапках и хвосте у куторы, когда она на суше, не видно. Образина какая-то. Толстая, неуклюжая, с большим животом и тонкими лапками. Там, где у нормальных мышей уши, у неё только светлые полоски. Ползает эта зверюшка по столу и тычется туда-сюда острым усатым носом. Дали ей хлеба — не ест, от молока тоже отворачивается. Даже кедровые орешки ей не по вкусу. Обнюхала — и в сторону. Тут мой брат Лёня и спрашивает:

— Ты её на самом деле в ручье поймал? Как она плыла?

Объясняю, что заметил её у самого дна, только она тогда была не чёрной, а какой-то серебристой. Стекланный шарик.

— Всё правильно, — говорит брат, — это кутора. Я о ней где-то слышал. Нужно в энциклопедии посмотреть.

Читаем. Так, куторы — род млекопитающих, семейство землероек, отряд насекомоядных, обитают по берегам небольших пресных водоёмов, ведут полуводный образ жизни... Питаются беспозвоночными, мелкой рыбой...

Набрали в ванну немного воды — это водоём. Под остров приспособили камень, что кладём на квашеную капусту, и пустили землеройку в воду. Ох, как она понеслась! Словно торпеда. То вверх, то вниз, а то по кругу. Будто сама

себя хочет догнать и ухватить за хвост. Здесь мы разглядели и щетинки на лапках, и щёточку на хвосте. Она этим хвостом рулит не хуже, чем рыба.

Наплавалась, легла на воду и принялась охорашиваться. Затем неторопливо так подплыла к камню, осторожно забралась на него и уселась отдыхать. Я выловил из ведра лизуна и положил на камень. Пока кутора обнюхивала рыбку, она вдруг взвилась и бултых в воду. Кутора догнала лизуна, цап и на камень. Минуты через три от него не осталось и плавников. Мы нашей новой знакомой ещё трёх рыбок дали, съела и их. Живот у куторы раздулся, как барабан, а она ползает по камню и ищет добавки. Положили ей кусочек мяса — съела, поймали толстого рыжего таракана — съела, нашли между оконных рам сухих мух — и тех сжевала.

Но больше всего нас удивляла не прожорливость куторы, а то, как она преображалась в воде. Вот она сидит на камне, несуразная, толстобрюхая. Пока не обнюхает перед собой всё до последнего миллиметра, боится шаг ступить. Но стоит ей попасть в воду — и перед нами уже не чёрная толстая мышь, а полузверь-полурыба. Между шерстинками висят мириады воздушных пузырьков, отчего кутора кажется одетой в скафандр из серебристой ткани — такими нам показывают в кино пришельцев с других планет.

Она могла плавать на спине и животе, выполнять в воде фигуры высшего пилотажа или просто лечь на воду и долго лежать.